

zien, dat hij één dag, een ganschen vollen dag met haar zou mogen doorbrengen. Maar een ontstemmend gevoel ironste plotseling zijn wenkbrauwen: er was er nog een die naar haar verlangde en haar den ganschen dag zou zien: Smul, boer Kneuveld's paardenknecht!

Hij bromde iets tusschen zijn tanden en vlugger nog, als in gejaagde haast, liep hij door. Hij voelde reeds de nachtelijke frischheid niet meer en sloeg den kraag van zijn wambuis weer over. Smul... dat was de vijand; hij kon hem niet uitstaan. Telkens wanneer hij een dag op de hoeve kwam werken, moest hij zich met wijskracht bedwingen, of het zou tot een uitbarsting, tot een vechten gekomen zijn. Dat was nu al vanaf dien Kermisdag, twee jaar geleden, toen Smul zoolang met Rozeke gedanst had. Zij had niet bepaald durven weigeren met hem te dansen, zij wou het alleen maar heel kort maken; doch eenmaal in zijn bezit had hij haar niet meer losgelaten, haar met geweld doen meedraaien, oneindig lang, tegen haar zin, tot zij eindelijk niet meer kon, en huilend, in zwijm bijna uit de armen van den woestaard in elkaar gezakt was. Hij, Alfons, was dreigend in het midden gekomen, had hem met geweld het meisje, — bijna zijn meisje — uit de handen willen rukken; maar Smul was veel sterker dan hij, en weinig had 't gescheeld of het liep uit op een gevecht waarin Alfons zonder twijfel een deertlijke nederlaag zou geleden hebben.

(1927)

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ:

1. Какими средствами автору удается создать драматический эффект?
2. Какими предстают жители фламандской деревни в этих текстах?
3. Какую роль играют описания природы?
4. Что вы можете сказать о языке приведенного фрагмента? Заметили ли вы в нем фламандские особенности?

ГЛАВА 24

СТЕЙН СТРЕВЕЛС STIJN STREUVELS

(1871–1969)

Стейн Стрёвелс — самый крупный фламандский прозаик-нагуралит, сумевший, как никто иной, передать величие и трагизм, красоту и обреченность человека, составляющего единое целое с неуловимыми силами природы. В центре большинства его произведений — люди, занятые сельскохозяйственным трудом, будь то батраки или зажиточные крестьяне; все они восприимчивы как к поэзии деревенского бытия, так и к тому драматизму, который несет человеку Жизнь — эта первичная сила с ее неотвратимой цикличностью.

Почти всю свою жизнь писатель публиковался под псевдонимом, его настоящее имя — Франк Латёр (Frank Lateur). По-фламандски слово *streuveel* [haat] означает «(волосы) ёжиком», «непослушные» (волосы): эта особенность внешности Стрёвелса бросается в глаза на всех его портретах.

Франк Латёр родился в городке Хёлен в Западной Фландрии. Его отец Камиль Латёр был портным и принадлежал к мешанскому сословию. Мать, Мари-Луиза Гезелле, приходилась младшей сестрой великому фламандскому поэту Гвидо Гезелле: в юные годы Франк общался со своим дядюшкой.

Франк Латёр ходил в школу лишь до пятнадцати лет, после чего еще около года был учеником булочника. С 1887 г. он стал сам работать в хлебопекарне, которая с давних пор принадлежала роду Латёров, а теперь перешла к его отцу от братьев. Стейн Стрёвелс продолжал печь хлеб и после того, как добился писательского признания, о котором красноречиво говорит тот факт, что в 1903 г.

Стейн Стрёвелс
(худ. Рик Слаббинк)

Бельгийская академия выставила его кандидатуру, вместе с Метерлинком, на Нобелевскую премию по литературе, — правда, присудили ее в тот год норвежцу Бьёрнстерне Бьёрнсону (1832–1910). В автобиографическом очерке «Как человек становится писателем» («Ное мен schrijver wordt», 1910) Стейн Стрёвелс рассказывает о том, как он, будучи пекарем и кондитером, зачитывался современной, в основном зарубежной, литературой и все свои деньги тратил на книги. Французский язык он знал со школьных лет, а немецкий, затем английский, а после немецкого норвежский выучил самостоятельно, чтобы читать любимых писателей в подлиннике. Среди его кумиров одно из главных мест занимал Лев Толстой¹. Поэтому молодой фламандец взялся также и за русский, но вскоре понял, что для изучения этого языка потребуется слишком много времени, и оставил свое намерение. В будущем он переведет несколько произведений Толстого на фламандский язык (в частности, в 1903 г., в предверье собственной женитьбы, роман «Семейное счастье»), но сделает это через языки-посредники: французский и немецкий. В целом для формирования творческой личности Стрёвелса кроме Толстого наиболее важны были еще два автора: родоначальник натурализма француз Эмиль Золя и уже упомянутый норвежец Бьёрнстерне Бьёрнсон — поэт и прозаик, автор повестей о жизни крестьян, которого Стрёвелс также переводил на фламандский язык.

Первые литературные опыты Франка Латёра относятся к началу 1890-х годов. Они состояли в переводах небольших очерков с французского, но вскоре он начал публиковать в разных жур-

¹ В статье 1928 г. «Толстой» Стрёвелс писал, что считает Льва Толстого своим *patroonheilige* (святым покровителем) и рассматривает его как *“de grootste schrijver aller tijden ...[en] als mensch die tegenover zich zelven en tegenover de wereld opricht is geweest”* (крупнейшего писателя всех времен и как человека, который был честен по отношению к себе самому и к миру). *De stem*. Arnhem, 1928, nr. 10–11, p. 799–800.

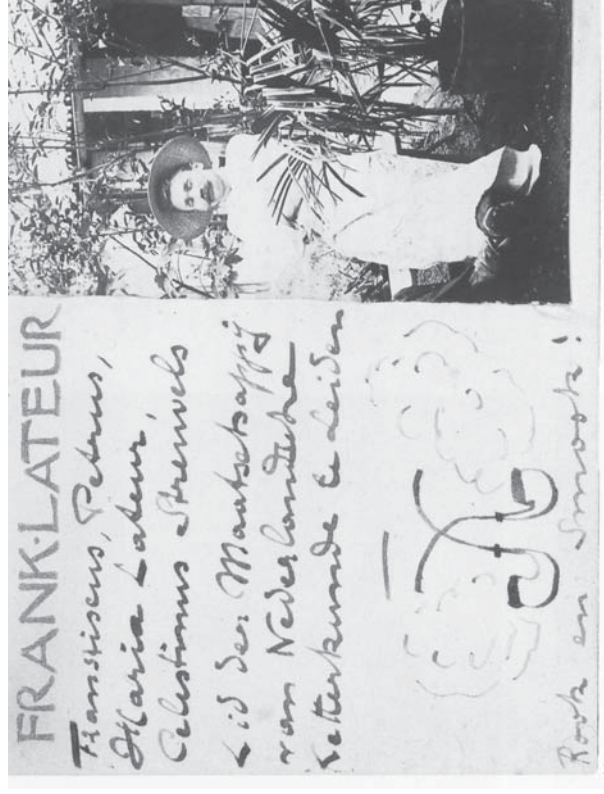
налах свои собственные рассказы и стихи, начиная с 1895 г. под псевдонимом Стейн Стрёвелс. Эти публикации не остались незамеченными: в мае 1896 г. он получил письмо от поэта Карела ван де Вустейне (см. посвященную ему главу), соредактора важнейшего в то время фламандского литературного журнала “Van Nu en Straks”. В этом письме Ван де Вустейне приглашал Стрёвелса к сотрудничеству с журналом. Для молодого автора такое одобрение его литературных начинаний было чрезвычайно важно. Не менее важным стало для него и то, что, начав печататься в журнале “Van Nu en Straks”, он на всю жизнь подружился с другим его соредактором — Эммануэлем де Бомом. Уже в августовском номере 1896 г. был опубликован рассказ Стрёвелса «Несчастный случай» (“Een ongeluk”, 1896). Позднее этот журнал, просуществовавший до 1901 г., напечатает еще десяток рассказов и новелл Стрёвелса, в том числе знаменитую новеллу «Жатва» (“De oogst”, 1900). Стрёвелс развивает и углубляет жанр «деревенского романа» (*streekroman*), основы которого заложил Хендрик Консьянс и который будут успешно разрабатывать — каждый в своем ключе — многие фламандские авторы, от Феликса Тиммерманса до Хюго Клауса. Герои Стрёвелса живут тяжелой жизнью, вынуждены покоряться своей судьбе и уповать на Бога, так как сопротивлению Ходу Вешей не может привести ни к чему хорошему. В ранних рассказах Стрёвелса — натуралиста, верящего в детерминизм, есть нечто экзистенциально-величественное, как в трагедиях Эхила с их идеей всемогущества рока и безнадёжности борьбы с ним. Это ощущение космического измерения происходящего возникает благодаря редкому импрессионистскому дару Стрёвелса, рисующего грандиозные пейзажи, на фоне которых фигурки людей кажутся маленькими и беспомощными.

Так, в повести «Жатва» парень из бедной крестьянской семьи Рик Бюссарт любит Лиду, сестру своего друга Виса, но не решается признаться ей в этом, в большой мере потому, что семья Лиды и Виса намного богаче. Летом многие мужчины из деревни отправляются на заработки на юг, во Францию. Рик и Вис впервые в жизни отправляются вместе со всеми. Убирать урожай под палящим солнцем оказывается невыносимо тяжело, Рик, который физически слабее других, работает на пределе своих сил, и только мысль о Лиде поддерживает его. Но в один из самых жарких дней он все же получает солнечный удар и умирает прямо в поле.

Вис хоронит его здесь же, во французской деревне. По окончании сбора урожая мужчины возвращаются домой без Рика. По реакции Лиды на известие о смерти Рика Вис понимает, что любовь его друга не была безответной. Но при встрече с матерью Рика Вис убеждает прочь, не решаясь сообщить ей правду. Между тем деревня оглашается пьяным пением вернувшихся домой батраков.

В 1899 г., по настоянию Эммануэля де Бома, Стрёвелс издает отдельной книгой первый сборник своих рассказов «Весенняя жизнь» (“Het lenteleven”). Сборник был неодобрительно принят в католических кругах, где возмущение вызвали некоторые откровенные зарисовки, зато литературный мир, как в Бельгии, так и в Нидерландах, оценил его по достоинству.

После успеха первого сборника Стрёвелса стали печатать также в северно-нидерландских журналах, в том числе в таких знаменитых, как “De Gids”, “De Nieuwe Gids” и “De Beweging”. Нидерландские издательства предлагают ему свои услуги, и он выбирает амстердамское издательство Л.Й. Вейна (L. J. Veep),

Стейн Стрёвелс после избрания членом Общества нидерландской словесности в Лейдене (1901)

в котором с 1900 по 1946 г. будут выходить все его важнейшие произведения.

В 1905 г. Стрёвелс наконец-то прекращает работать в пекарне и переезжает в городок Ингойхем, в свой собственный большой дом, который он строил на протяжении нескольких лет. Дом и окружающий его сад находятся рядом с церковью, где служит священник и писатель Хюго Веррист (Hugo Verriest, 1840—1922), старший друг Стрёвелса и ученик Гвидо Гезелле. В это же время Стрёвелс женится на Алиде Сталенс и всю оставшуюся жизнь зарабатывает деньги, необходимые для содержания семьи, писательским трудом. Своему дому он дал название Lijsternest — «Гнездо дрозда». В этом доме появятся на свет все четверо детей писателя (Паула в 1906, Паул в 1909, Дина в 1916 и Иса в 1922), здесь писатель доживет до 98 лет. В наше время в «Гнезде дрозда» находится мемориальный музей Стрёвелса.

Вскоре после переезда писателя в Ингойхем северно-нидерландский журнал «De Beweging» выпускает в свет роман «Льяное поле» (“De vlaschaard”, 1907) — общепризнанный шедевр Стрёвелса. После этой журнальной публикации он выйдет в издательстве Л.Й. Вейна.

Герой романа «Льяное поле», крестьянин Вермёлен — богатый и крепкий хозяин, привыкший, чтобы все его беспрекословно слушались, — и многочисленные батраки, работающие на его полях, и его молчаливая жена, и две дочери, и единственный сын Луи. Среди сельскохозяйственных культур, возделываемых в той местности, наибольший доход приносит лён. До сих пор Вермёлен, самый опытный и процветающий земледел во всей округе, сам решал, что, на каком поле и когда надо сеять, и не доверял этого никому. Но Луи, веселый и жизнерадостный юноша, уже вырос и начал разбираться в сельском хозяйстве. Вермёлен видит, что не за горами тот день, когда ему придется уступить место сыну, и воспринимает это как угрозу своему существованию. Вопреки здравым высказываниям сына о месте и сроках посева льна, Вермёлен нерочно делает все иначе, чтобы никто не подумал, что он слушается Луи. В итоге лён в этом году вырастает у Вермёлена хуже, чем у соседей, да и с уборкой урожая он слишком затянул, так что лён попортило дождем. В конце концов Луи сам, не спросив отца, дает указание работникам и работницам (с одной из которых, девушкой по имени Схеллебелле, его связывает любовь) убирать

лен. Вермёлен, увидев, как на его собственном поле убирают лен без его распоряжения, набрасывается на сына с палкой и, ослепленный яростью, со всей силы бьет его по голове. Луи падает, у него поврежден мозг. Несколько дней он еще остается жив, но не выходит из забытья, его осматривает врач и причащает священник. Вермёлен не отходит от постели умирающего, а после его смерти заискивающе заглядывает в глаза окружающим, пытаясь понять, как ему теперь жить дальше.

В самом начале Первой мировой войны Стрёвелс, спасаясь от военных действий, перебирается вместе с женой и двумя детьми в Нидерланды, сохранявшие, как известно, нейтралитет. Там он поселяется на первом этаже издательства Л.Й. Вейна. Но как только линия фронта переместилась и военные действия близ Ингойхема прекратились, писатель и его домашние вернулись в Бельгию. Здесь в 1916 г., во время немецкой оккупации, родился их третий ребенок, дочь Дина.

В январе 1918 г. в «Гнезде дрозда» было расквартировано десьтеро немцев, в том числе пять офицеров. В октябре 1918 г. через Ингойхем снова прошла линия фронта, англичане выбили немцев из города. «Гнездо дрозда», как и все другие дома в округе, при этом сильно пострадало, значительная часть библиотеки Стрёвелса погибла.

В марте 1919 г. писатель объездил на велосипеде те области Фландрии, где проходили военные действия. Увиденное, наряду с собственными воспоминаниями о пережитом во время войны, должно свергло его в глубочайшее уныние, его вера в человека и человеческие институты пошатнулась. 20 ноября 1921 г. он пишет Эммануэлю де Бому: «К счастью, кроме людей существуют еще деревья и животные, и дети, и небо, и облака, иначе бы отсюда уволился». Выход из депрессии он ищет в общении со старыми друзьями, в поездках (в 1924 г. он расширил географию своих путешествий, посетив Австрию, Чехословакию и Венгрию) и в работе. Не случайно в это время выходит его произведение, где главный герой — ребенок: знаменитая «Прютске» («Pruitske», 1921), книга, которую в наши дни, в 2007 г., пересказал, адаптировав для современных детей, фламандский детский писатель Эд Франк. Малышка Прютске — это дочь Стрёвелса Дина. Стрёвелс с теплом и любовью описывает первые годы ее жизни, маленький

светлый мирок ее фантазий, в котором она уютно живет вместе со своими куклами; она смотрит на взрослый мир с изумлением, ее собственный мир намного милее и интереснее.

После войны Стрёвелс начинает отходить от натурализма и в самом начале книги о Прютске с иронией пишет о его поступках, которые были так значимы для него до войны: “Dat er aan de theorie van ‘influence de race, de milieu et de temps’ meer dan één haakje los is, daarvan brengt Pruitske het levend bewijs” (Прютске — живое доказательство того, что теория о «влиянии расы, среды и эпохи» сильно хромает). Ведь Прютске, родившаяся в самое тяжелое время, какое только может быть, растет человечком бодрым и жизнерадостным.

В период между двумя мировыми войнами Стрёвелс много занимался переизданием собственных произведений прежних лет (рассказов из довоенных сборников, таких как «Святой Иоанн», «Деревья»), обработкой народных сказаний и средневековых «народных книг» (о Лисе Рейнарде, о Генове Брабантской, а также исландских саг и эпоса о Тристане и Изольде) и переводами с иностранных языков (в том числе произведений Шарля де Костера, Бьёрнсона, Льва Толстого и Максима Горького).

В 1926 г. выходят новые самостоятельные новеллы, объединенные в сборник «Батраки» (“Wegkempchen”, 1926), за который ему в 1927 г. присудили Бельгийскую государственную премию по нидерландской литературе (Driejaarlijkse Staatsprijs voor Proza in de Nederlandse Letterkunde). Самая известная из этих новелл, признаваемая многими вершиной творчества Стрёвелса, — это «Жизнь и смерть в сушильне» (“Het leven en de dood in den ast”). Действие происходит в амбаре, где сушится цикорий. Работники заняты монотонным делом: раскладыванием нарезанных корней цикория на сушилке и поддержанием огня. В этой фантастической полутемной, жаркой и влажной обстановке они вспоминают прожитые жизни и мечты своей юности. Вечером в сушилку заходит погреться старый бродяга Кнорре, он тяжело болен, и с каждым вдохом у него klokoчет в горле. Ночью это клокотанье мешает работникам спать, им всем снятся какие-то кошмары, связанные с Кнорре: одному мерещится, что он избивает старика, другому — что Кнорре умирает, а он к нему не подходит, третьему — что мертвый Кнорре преследует его. Утром выясняется, что Кнорре

ночью действительно умер. Сны и явь перемешались. Все работницы (в разной мере) испытывают угрызения совести.

Годом позже, в 1927 г. Стрёвелс публикует в журнале “De Gids” роман «Конец Ватерхука» (“De teloogang van den Waterhoek”), действие которого происходит в западно-фламандской деревушке на реке Шельде, где в 1906 г. вместо старой паромной переправы строится мост, соединивший деревушку с внешним миром. Обитатели деревушки боятся, что их жизнь изменится, что царящим здесь патриархальным нравам придет конец, и пытаются бороться против строительства. Прототипами центральных героев — деревенской красотки Миры, способной соблазнить любого мужчину, и инженера-мостостроителя Мориса Рондо, который женится на Мире, но потом оказывается брошенным, — были реальные люди: Стрёвелс знал их, ведь мост строился у него на глазах. Только деревенский парень Ландер, жертва изменницы Миры и царящего в деревне мракобесного страха перед всем новым (он убивает рабочих-мостостроителей и попадает в тюрьму), — фигура вымышленная.

После выхода в свет роман был признан аморальным, так что для издания его в виде книги в 1939 г. Стрёвелсу пришлось вычеркнуть все эротические эпизоды (четверть текста). Вплоть до 1999 г. роман выходил в сокращенном виде. В 1971 г. по нему был снят фильм «Мира» (режиссер Фонс Радемакерс, сценарий Хюго Клауса). Фильм «Мира» известен как первый фильм во фламандском кино, где в ряде сцен артисты снимались обнаженными, что обеспечило ему успех у публики.

В 1935 г. Стрёвелс во второй раз получил Бельгийскую государственную премию по нидерландской литературе и после этого, вместе с нидерландским писателем Антоном Коленом и другими друзьями, совершил путешествие в Палестину и Грецию.

Между тем политическая обстановка в Европе вновь накалялась. Нацистская пропаганда старалась привлечь Стрёвелса как видного писателя, пишущего на германском языке и интересующегося корнями германской культуры, на свою сторону — точно так же, как Феликса Тиммерманса и многих других фламандцев. Однако Стрёвелс понимал, чего стоит Гитлер, и, будучи отцом большого семейства, старался быть предельно осторожным как накануне войны, так и во время немецкой оккупации. В 1936 г.

Гамбургский университет присудил ему Рембрандтовскую премию, получить которую писатель не поехал, сославшись на состояние здоровья. В 1941 г. его избрали почетным доктором Мюнстерского университета, но когда нарочный доставил приглашение на церемонию ему домой, в «Гнездо дрозда», Стрёвелс спрятался и не принял его собственноручно, так что на церемонии не присутствовал. В 1942–1943 гг. в Германии был снят фильм по «Льняному полю» (называвшийся “Wenn die Sonne wieder scheint”), на немецкий язык были переведены многие книги Стрёвелса. Однако писатель упорно отказывался от предложений выступать с чтением своих произведений в Германии.

После войны за Стрёвелсом сохранился его статус крупнейшего фламандского писателя. Королевская Фламандская академия еще несколько раз выдвигала его на Нобелевскую премию, но безрезультатно. Зато в самой Бельгии он получал множество наград и других знаков признания. Так, 15 октября 1959 г. его дом «Гнездо дрозда» посетил сам король Бельгии Бодуэн. В 1961 г. по случаю 90-летия писателя был проведен общенациональный конкурс школьных сочинений и рисунков по его произведениям, в котором участвовало 60 тысяч учеников средних школ.

В последние десятилетия жизни Стрёвелс писал преимущественно книги, основанные на воспоминаниях или на материалах о тех местах, где он жил, о людях, которых он знал. Наиболее значительные из этих книг — это «Хроника рода Гезелле» (“Kroniek van de familie Gezelle”, 1960) «Х. Веррист» (“H. Verriest”, 1964) и автобиография «Вживую» (“In levende lijve”, 1966).

Писатель умер в возрасте 98 лет в своем доме «Гнездо дрозда». На его похоронах присутствовало семь тысяч человек.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ (I):

1. Какое влияние на Стрёвелса оказал натурализм? Когда и почему он отошел от этого литературного направления?
2. В конце 1920-х годов в СССР были опубликованы переводы семи произведений Стрёвелса («Август», «Батрак», «Без работы», «Обездоленные»: рассказы о жизни батраков за границей» и др.), однако ни одно произведение не было напечатано без купюр. Как вы думаете, почему?
3. Найдите в интернете информацию о двух экранизациях романа «Льняное поле» (1943 и 1983).

ТЕКСТЫ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Фрагмент из книги **Pruitske / Прютске (1921)**МАЛЕНЬКАЯ ПРУЦКЕ И БОЛЬШАЯ ВОЙНА¹

По отношению к военным, расквартированным в домах, у Пруцке не было никакой неприязни. Ее наблюдательность твердо убедила ее в том, что их нечего бояться. Солдаты — Карл, Вильгельм, Фриц, Гейнц — называли Пруцке «маленькая мышка». Они играли на гармонике, пели песни и показывали ей фотографии своих детей. Все это являлось для Пруцке неотразимой приманкой. Офицеры, лейтенанты, ротмистры брали иногда Пруцке за руку, шли с ней в сад гулять и давали ей кусочки сахара или шоколаду.

Бесчисленные смены гарнизона, сопровождавшиеся сменой постояльцев, проходили для Пруцке незаметно. Она не трудилась заводить знакомства сызнова, она встречала только что пришедших солдат, как старых знакомых, и спокойно продолжала рассказывать им то, что она начала рассказывать ушедшим. С их стороны Пруцке неизменно встречала внимание и восхищение. Старым бойцам, в большинстве случаев отцам семейств, оставившим на родине таких же малюток, Пруцке, с ее открытым взглядом, звонким голоском, доверчивым обращением, казалась каким-то чудом. В восторге останавливались они перед ней и не могли отвести глаз. Иногда они подолгу стояли, глядя на спящую «кошечку». Воспоминание о любимых малышах вызывало слезы у них на глазах. Позже, когда они уходили на фронт, они, взрослые мужчины, не могли скрыть своего волнения и их последний привет всегда относился к «маленькой мышке». Пруцке в таких случаях сохраняла полное равнодушие и не выказывала никаких чувств. Ее девизом было: «С глаз долой, из сердца вон». Она сейчас же возвращалась к своим делам и в ту же минуту думала о других вещах.

Постепенно количество солдат в доме становилось все больше и больше. Все комнаты были заняты. И в распоряжении прежних обитателей оставалось все меньше и меньше места. Жизнь была выбита из колеи, и никто не знал, что будет дальше. Но это произошло недолго: однажды ночью войска внезапно исчезла. Пустота, воцарившаяся вокруг, вызывала тяжелое предчувствие близкой грозы. Лишь небольшое количество солдат еще оставалось в селении. Растерянные, лишенные руководства, они метались взад и вперед, попялялись и исчезали. Тогда в один прекрасный день появился санитарный обоз. На знамени его был красный крест.

¹ Перевод опубликован в газете «Прожектор», 1929, № 30. (Переводчик не указан).

Самая большая комната, веранда и передняя были превращены в лазарет. Привезли раненых. Во всем доме запахло йодоформом.

С этого времени Пруцке стала держаться в стороне. Торжество смерти, представшее перед ее глазами, наполнило ее безотчетным ужасом. Засунув палец в рот, она стояла поодаль и широко раскрытыми глазами смотрела на раненых, лежащих на походных кроватях. Их одежда была изодрана, белые перепачкано кровью.

Когда, наконец, вся семья очутилась в погребе, где для сна была устроена подстилка из сена и соломы, Пруцке стала вести себя необычайно серьезно, как взрослая. Как человек, который в ожидании страшной бури совершает все необходимые приготовления, она собрала все свои вещи — кукол, стекляшки и лоскутки, и притащила их в погреб в безопасное место. Собственно говоря, она находила весьма легкомысленным переселяться в погреб. Ей казалось слишком необычным топтаться целый день по соломе и спать, как в хлеву, в маленьком винном погребе. Об опасности обстрела Пруцке не думала: эту заботу она предоставляла взрослым. Однако, смутно чувствуя, что детская возня сейчас неуместна, она стала вести себя тише. Моментами она забывала об этом и становилась чрезмерно весела. Но достаточно было строгого взгляда, чтобы ее остановить. Тогда она опять забивалась в угол и тихонько возилась со своими игрушками. Ни оглушительный грохот пушек, раздававшийся невдалеке, ни треск разрывающихся над домом гранат не производили на нее впечатления. Когда в первый раз зазвенели оконные стекла, она, подняв указательный пальчик, прислушалась к необычному звуку. И только когда после оглушительного артиллерийского залпа весь погреб качнулся, как челн на воде, Пруцке с восклицанием «Гопля!» шумно выпустила воздух, показав этим, что на этот раз мужество обошло ее дорого.

С наступлением вечера, однако, Пруцке уснула на своей постельке. Маленькое круглое личико выражало невинность и глупое убеждение в том, что все в мире прекрасно.

Когда она, наконец, проснулась и открыла глаза, все изменилось: немцы отступили и англичане заняли их место.

Перемена свершилась. Дом теперь находился по другую сторону фронта, и борьба продолжалась. Теперь обстрел шел с другой стороны. Стреляли немцы, и канонада была еще ужаснее, чем раньше.

Внезапно появились газовые бомбы. Пруцке заметила это первая. Царапанье в горле разбудило ее. Когда она увидела солдат, казавшихся чудовищами в своих противогазах, она закричала от страха. Когда ей приложили ко рту и к носу мокрый платок, она подумала, что ее хотят задушить. В смертельном страхе она начала вырываться.

Тогда наступило самое худшее, о чем никто не смел подумывать вслух: нужно покинуть дом и бежать.

Кругом свистели пули. Пруцке сидела на руках у английского солдата. Она подчинилась всему безропотно, не проронив ни звука.

Кругом бушевали ужас, отчаяние и смерть. Безумный страх охватил людей. Все потеряли головы и зывали к Богу и святым о помощи. Выстрелы стегали воздух. Над селом рвались шрапнели. Дома были разрушены. На улицах валялись трупы людей и лошадей. Мир пылал, и отблески огненного воздуха отражались вдали в серой темноте ночи. Пруцке была спокойна и безвольна, как человек, доверчиво отдавшийся в руки судьбы.

Первым убежим, встретившимся на пути, был открытый погреб какого-то разрушенного дома. Пруцке от усталости упала на землю.

В следующие дни ярко сияло солнце. Случайный автомобиль увез всю семью далеко от линии огня. Уже находясь в городе, у друзей, Пруцке впала в беспмятство. Она говорила несуразные вещи. Ядовитый газ сделал свое дело. Через несколько дней Пруцке очнулась от бреда.

Пруцке скоро поправилась, но еще много дней она оставалась тихой, потому что в чужом доме, где ее окружали незнакомые люди, она видела лишь нужду, болезнь и смерть.

Обратную дорогу в открытой повозке, сквозь дождь, холод и темную ночь Пруцке проделала без жалоб. Укутанная одеялом, она была убаюкана тряской. Ее не интересовал вопрос о том, куда она едет. Они вернулись в свое разрушенное жилище. Развалины были покрыты осколками кирпича и битых стекол. Повсюду были пыль и грязь, ни одна вещь не стояла на своем старом месте, а многие вещи исчезли. Солдаты унесли их с собой, считая, что этот дом никогда не будет обитаем.

На нидерландском языке:

DE VLASCHAARD

(Fragment)

Nu zagen ze den boer afkomen, beslijkt en met kwade oogen. In één slag losten de koppels en was 't gezang uit. Op een stom teeken stonden ze weer elk op zijn plaats en waren ze neerstig aan 't werk. Ze lieten den boer naderen en wachtten naar 't geen er gebeuren ging, maar ze keken niet op en bleven gebogen staan slijten.

— Wie heet er u te slijten? riep hij.

Louis stond de eerste buitenwaards aan den reke, hij voelde zijn vader op een stap afstand, hij hoorde den adem door zijn neusgaten blazen; maar hij keek niet op en bleef gebogen staan werken. Hij had er zich eenigszins op voorbereid dat er iets gebeuren zou; 't verwekte in hem een mengeling van angst en genot en zijn eenig belang op dien stond van spanning, was om te weten of de slijters 't zouden uithouden tegenover zijn vader zonder dat hij er tusshenk kwam. Ze wrochten voort en zwegen gelijk hij.

Maar Vermeulen ondervond seffens dat men hem voor den zot hield, dat 't spel afgesproken was — hij voelde zich getergd meer dan hij 't durfde vermoeden. Nu barst hij los!

— Voort! van mijn veld! brieschte hij. Maar de galm van zijn geroep bleef zonder uitwerksel, de woorden vergingen als een nietig geluid — als 't geroep van een koeier — die dreiging had de vogels zelfs niet verschrikt: in de stilte die volgde hoorde men hun geschuiffel en niets dan den korten rtritt, telkens eene handsvol vlas uitgesleten en de worteling tegen den grond afscheurde. Wat ging er gebeuren? Al 't belang van heel de wereld scheen hier ter plaatse samengetrokken — de vogels die geruchte mieken in 't boschje en de landsfieden die elders aan 't werk waren bleven er vreemd aan en 't was alsof ze tot dezelve wereld niet behoorden. Elke ademhaling scheen het zwaar gedreun van een hamerslag die in de hersenen ronkte. Elkeen wist dat er iets gebeuren moest — de jonge boer had bevolen te slijten en de oude stond daar nu tegenover met zijn bevel — wat moesten ze doen? wat kon 't hen schelen? 't Was op Louis dat alle belang gevestigd bleef maar niemand die 't wagen durfde op te kijken. Schellebelle alleen had het gewaagd; in een plotse opwelling van vrees had ze naar den boer opgekeken en met den slag meende ze hare angst uit te schruwelen om Louis te bevrijden voor 't ongeluk dat ze voorzag. Maar de angst hield het meisje bevangen. Haar beenen daverden en haar vingers kon ze niet meer spannen om de handsvolle vlas te omgrijpen. 't Minste geluid vreesde zij in die stilte en er scheen geen einde te komen aan het wachten.

Vermeulen had nochtans niet gestamerd: met de oogen had hij de gebogene gestalte van zijn zoon doortint en in die gebogene gestalte had hij de moedwillige wederspanningheid gezien. De weerdiij van een bliksemzwong had het geduurd; — als het straal van een venijnige bie had het hem gestoken en geen stonde had de boer getwijfeld aan zijn gezag. Van uit zijn borst schoot het vliemende straal hem naar 't hoofd — een trekking in den arm — en zonder tegenhouden of bedenken, liet Vermeulen den arm gaan, gaf hij toe. Zonder vloek of schreeuw, verraderlijk, de daad rapper dan de gedachte — en de zware mispelaar zwaaide in de lucht en kletste met een dragenden

slag in. Louis zijn nekke. De jonge kerel viel voorover met zijn wezen op den grond en hij gaf geen kик meer.

't Vershot en de ontzetting ging in één schreeuw uit de bende op en na dien eenen schreeuw was er de verwarring reeds en ging het gekerm en gejammer der wijven. Zij sprongen toe, de meisjes vluchtten met de handen in de lucht en riepen om hulp. De mannen stonden met hangende armen, ontsteld en radeloos op dat eerste oogneblik en had den veerkrachtigen tegenstand van zijn stok en de deugd voelen zinderen in zijn arm als van een lijmenden trek die striemt op den rug van een vetten stier. Met den slag was zijne gramschap gevallen en voelde hij ook de nuttelosheid van zijn woede zoogauw hij den stand van zijn oppegezag hersteld wist. Hij stond beschaamd tegenover zijn volk en hij ondervond de deugd niet die hij in 't handhaven van zijn vaderlijk recht verwacht had. Daarom veinsde hij nog gramschap en hield hij den stok gereed maar hij wist niet tegen wie hij hem heffen moest. Niemand gebarde nog dat de boer er was en waar hij stond keek niemand naar hem. Ze troepten rond den gevallen jongeling, ze liepen over en weer met lekend natte voorschooten die ze in 't water van de gracht hadden gedoopt — al 't belang was ineens bij den jongen die gevallen lag. Vermeulen aarzelde nu of hij 't volk nog moest van den vlaschaard jagen — er was ineens iets voorgevallen dat al zijne inzichten veranderde, iets wat hij niet voorzien had... Hij was de overwinnaar, hij had zijn meesterschap veroverd, hij hield, hij kneep zijn macht in de vuisten, hij knarzetandde... maar er was iets gebroken, hij had iets verloren dat kostelijker was dan al 't andere en hij had het niet gekend tot over een stonde nog: nu kende hij het en nu ook wist hij hoe zijn meesterschap voortaan onnoodig en een nutteloos ding zou kunnen worden...

(1907)

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ (II):

1. Какие факты биографии автора вы узнаёте в приведенном фрагменте на русском языке?
2. В чем заключается конфликт между отцом и сыном во втором фрагменте?
3. Какими средствами писатель создает во втором фрагменте ощущение приближающейся катастрофы?
4. Почему этот текст читать сложнее, чем, например, Кулперуса?

ГЛАВА 25

ФЕЛИКС ТИММЕРМАНС FELIX TIMMERMANS

(1886–1947)

Феликс Тиммерманс вошел в историю нидерландской литературы как необычайно яркий и остроумный автор книг о жизни фламандской провинции (*streekroman*), проникнутых редкостным жизнелюбием и оптимизмом. Одновременно он был художником и часто сам иллюстрировал свои произведения рисунками, выполненными в иронично-примитивистской манере.

Леополд Максимилиан Феликс Тиммерманс родился 5 июля 1886 г. в древнем городке Лире (близ Антверпена), расположенном у слияния рек Большая Нете и Малая Нете, — местности, где он прожил, за исключением нескольких непродолжительных поездок, всю жизнь. В родительской семье он был тринадцатым из четырнадцати детей. Его отец и дед владели кружевной мастерской (будущий писатель с детства рисовал узоры для кружев), а дед с материнской стороны зарабатывал на жизнь кузнечным делом. В школе Феликс учился мало и неохотно. Его отец — человек исключительно жизнерадостный, с богатой фантазией, к тому же великодушный рассказчик — не был строгим воспитателем и не слишком расстроился, когда Феликс в четырнадцать лет бросил школу и стал помогать ему в магазине продавать кружева. Феликса тянуло к изобразительному искусству, он подумывал было поступить в Антверпенскую академию изящных искусств, но побоялся, что придется слишком рано вставать, чтобы успевать на утренние занятия. Поэтому ограничился вечерней художественной школой в Лире.

Вскоре после поступления в вечернюю школу Тиммерманс подружился с художником Раймоном де ла Э, который как раз